

Гагарина Ульяна 13 лет

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Средняя общеобразовательная школа №54»

«Развитие классической темы»

А.С. Пушкин «Дубровский»

«Владимир Дубровский. Шесть лет спустя»

Миновали 6 лет, которые для кого-то были скучны, для кого-то - прекрасны, а для кого-то ужасно несчастливы.

Марья Кирилловна вовсе уж смирилась с нелюбимым мужем и неуютной ей жизнью, забыла юношескую обиду на отца. Она любила его короткие визиты по выходным и видела единственную радость лишь в новой встрече с подросшим братцем. Жить со старым помещиком в роскоши и постоянном достатке с годами становилось легче, но Марья всё равно не смогла обрести семейного счастья. В последнее время она часто обедала отдельно и ещё реже заводила с мужем какие-либо разговоры. Нельзя сказать, что она была расстроена, ведь это освобождало её от постоянной ответственности развлекать скучающего, полностью остывшего к ней старика. Была между ними лишь узаконенная супружеская любезность и официальность, которая дома, вдали от барских чаепитий, снова превращалась в холодное безразличие. Князь уже всерьез чувствовал свою старость, потихоньку осознавая приближение полнейшей слабости, а из страха смерти чуть и подавно не сошёл с ума. Весь былой аристократический вид остался в прошлом.

Потому новый молоденький управляющий помещьем весьма обеспокоено начал справляться о самочувствии хозяина. Так, однажды, после очередной вспышки гнева князя, в результате которой пострадали невинные ни в чём крепостные, Данила — лучший барский советчик и хитрый управляющий — рассказал Верейскому про неизвестного никому нового помещика прямиком из Англии.

— Ужин? — заинтересованно спросил князь. — И это как так? Даже имени его не знаешь?

— Так-с, барин. По утру-с письмо передали, зовут "отужинать со всеми почестями"!

Верейский отпил давно остывший чай и, поправляя большим пальцем свой тонкий французский ус, впал в минутное раздумье.

Данила, стоявший перед ним в позе полной готовности на всё, заботился о том, чтобы старый князь не впал в дремоту, как случалось уже пару раз за последние три недели. Он лисьими глазами осмотрел укутанного в шёлковый халат хозяина с ног до головы и, замечая, как тот уже стеклянными глазами смотрит в пол, позволил себе тихо напомнить о своем присутствии:

—Кхэм...

— Н-да, любопытно, — резко ответил Верейский. — Скажи-ка мне,

Данилушка, письмо кто передал?

— Мужик, обычный мужик. Сказать сказал, мол, созывают-с барин всех соседей в округе, желают-с лично познакомиться.

Князь заулыбался, как ребёнок. Он встал со своего английского дивана и медленно прошёлся к окну, где разразился громким манерным хохотом.

— О-хо-хо, — смеётся Даниле в лицо, — повеселил однако достопочтенный сосед! Что же, такого и не одарить визитом – грех! Ты вот что, — мгновенно успокоившись, говорит Верейский, — предупреди Марью Кирилловну, вечером она обязана будет продемонстрировать свои безупречные манеры и красоту. Да карету готовить вели!

Не успел барин закончить, как управляющий мягким шагом выскользнул из кабинета и направился справляться со своими делами. Неизвестно, где парень научился эдакой умелости, но мог и замолкнуть вовремя, и уйти в подходящий момент. Потому беды на голову за полгода не навлёк, и в любимчики Верейского выбился.

***

Так завелось в этой усадьбе, что все самые последние новости со скоростью света разлетались по барскому дому и доходили до всех поголовно. Потому, пока Данила успел добежать до комнат Марьи Кирилловны, та уже неохотно выбирала подходящий наряд. А платьев у неё было множество, тьма! В этом вопросе она никогда себе не отказывала, как не отказывал ей и щедрый отец, и супруг.

— Что ж вы, Марья Кирилловна, снова так грустны? — печально-медленно говорит её красивая служанка, — неужели вам совсем неинтересно?

Служанка Екатерина стала одним из свадебных подарков Верейского молодой жене. Ровесница Марьи, она сразу же нашла правильный подход к своей барыне и смогла полностью привязать Троекурову к себе. Никогда девушка не относилась к Кате как к крепостной, а любила её, как самую добрую подругу.

— Ах, Катя, — устало вздохнув, отвечает Марья Кирилловна, — какой может быть интерес, если я совсем замучилась с этими нарядами!

— Наденьте это, — предложила Екатерина и указала на одно из белоснежных платьев, аккуратно лежащих на кровати. — Ведь это всего лишь ужин.

Марья рассматривала роскошные узоры из чёрной нити, шёлковые рукава и красиво обработанный подол. Скрывшись за ширмой, она вновь томным голосом сама с собой произнесла:

— Кого там из Англии, всё же, принесло?

***

Дорога была наполнена молчанием. Князь сделал пару комплиментов внешнему виду Марьи Кирилловны и позже совсем уж стих. Она было предприняла попытку узнать что-то ещё о таинственном

соседе из-за границы, но в ответ получила только ту же растерянность мужа.

Верейский за час езды снова чуть не заснул, не завёл разговора ни про очередную новинку в моде, ни о прошедшем ужине, ни о сегодняшней репетиции обновлённого состава домашнего оркестра. Он «умело» поддерживал тоскливую тишину в карете.

Марья Кирилловна, редко бывавшая в этих краях, развлекала себя красивыми видами из окна. Конечно, она давно пожалела, что не взяла с собой Екатерину, но все её тихие мысли по-прежнему невольно занимал этот внезапно приехавший незнакомец. Даже дворовые мальчишки, постоянно гуляющие недалеко от поместья иностранца после своих поручений, не видели, чтобы барин выходил из усадьбы. И это всё было до глубины души не только удивительно для неё, но очень любопытно!

По приезде в имение, Верейский был приятно удивлён уже у самых ворот.

— Я видал немало роскоши, и эта тоже для меня не диковина, но новый хозяин точно не промах! — вытаскивая свою трость из кареты, восхищённо воскликнул он.

И правда, посмотреть было на что. Но больше всего удивило гостей то, как быстро приезжий придал усадьбе достойный вид. "Богат, заметно богат!" — несколько раз за пять минут повторил князь, рассматривая одну из знакомых ему скульптур и строгими рядами высаженные кустарники в саду. А сколько здесь было клумб с цветами!

— Мой друг, прошу вас, — тихо обратилась к увлечённому как никогда Верейскому Марья Кирилловна, — войдёмте уже в дом, мы точно не первые...

Темнело, в окнах усадьбы загорелся свет, послышался звонкий смех одной из приглашённых дам. Ужин начинали без Верейских. Слегка раздосадованный своим опозданием, князь поспешил к дверям, его встретил любезнейший дворецкий, одетый в английском стиле. Он вежливо поприветствовал гостей и принял трость Верейского, распахнул двери в прекрасные залы, где их моментально встретил высокий мужчина.

— Добрый вечер! — сказал мужчина и улыбнулся. — Князь Верейский, полагаю?

— Да-с, добрый, добрый... Он самый!

— Пройдёмте.

Мужчина развернулся в сторону одной из дверей и повёл Верейских, оценивающих комфорт и роскошь усадьбы, к остальным ужинающим. Полы блестели, пахло европейской кухней, по коридорам то и дело бегали суетившиеся официанты. Всё это заметно поднимало настроение старому князю, и он уже с привычным дружелюбием высказывал своё мнение по поводу нового убранства усадьбы Марье Кирилловне.

Прошло около минуты, и они попали в огромную гостиную, где гремели тарелками и скрипели вилками беседующие гости. Множество

знакомых лиц придавало Марье Кирилловне больше смелости, она не чувствовала себя так робко, как до входа в залы. На их приход гости отреагировали приветливо.

— Князь Верейский с супругой, — представил барину приехавших и моментально скрылся за дверью провожавший их мужчина.

— Чудесно, князь Верейский! — воскликнула одна очень болтливая дама. Это была княгиня Лобанова, известная всем любовью к сплетням и пустым разговорам вдова. Верейский был хорошо с ней знаком и с интересом слушал ее истории, любил, когда она со вниманием выслушивала его. Он ожидал появления Лобановой на этом ужине, ведь та для своих 40 лет была неутомима — не пропускала ни одного приглашения и светского вечера.

Затеявший всё это князь встал поприветствовать Верейских лишь после допитого чая.

"Как же он хорош!" — пронеслось в голове Марьи Кирилловны, когда молодой кареглазый барин поднялся из-за стола и подошёл к её мужу.

Был он худ лицом, с ухоженной бородой и небольшими усами, волосы зачёсывал назад так, что они у него были пышны, казались очень красивыми. Чёрный модный костюм с белоснежной рубашкой приходился как раз по стройной фигуре, а туфли с небольшим каблучком приятно стучали по лакированному паркету. Издалека Марья не поняла, но, кажется, князь пользуется и французской парфюмерией, после его приближения в воздухе застыл сладкий аромат.

Он приятным, низким голосом заговорил:

— Милости прошу, князь... Чувствуйте же себя в моих скромных владениях, как в собственной усадьбе!

— Благодарю, голубчик, буду очень рад отужинать в таком... прекрасном доме!

Тогда князь плавно подошёл к Марье Кирилловне и, поцеловав её руку, сказал:

— Счастлив, что вы согласились нанести визит...

***

Верейских усадили на приготовленные места и тут же подали горячий ужин. Присутствующие сразу же взялись расспрашивать старого князя про последние новости и беседовать на разные темы. Только Марья Кирилловна ни с кем не общалась. Ей были чужды эти разговоры про последний писк моды или новые поместья госпожи Ореховой — важной дамы из столицы. На вопрос "Что привлекло вас переехать в нашу глушь?" - она каждый раз жеманно отвечала: "Столица, несомненно, - свет, но, друзья мои, такой далёкий от спокойствия". Кратко говоря, Марья её не особо любила, ведь верить каждому её слову было глупо. "Любопытно, что у этой дамы в голове, кроме её туалета и французских духов?" — нередко с усмешкой думала девушка при очередной встрече с Ореховой.

И обречённая, казалось, уже на одинокую скуку, Верейская услышала вдруг весьма банальный вопрос от самого хозяина вечера:

— Разрешите поинтересоваться, Марья Кирилловна, как вам наши хоромы?

Лобанова, отвлеклась от разговора со своей хорошей подругой Новиковой и весело охнула от такого вопроса:

— Ох, Джордж, ну вы и душка! Он так скромничает, Марья Кирилловна, я просто в ужасе! Всё же имение прекрасно, не нужно скромничать.

Девушка не обратила внимания на болтливость княгини, уж так она к этому привыкла...

— Очень красиво, правда, — спокойно ответила наконец Марья, слабо улыбаясь мужчине. — У вас чудный сад.

Тогда все начали бурно обсуждать сады, а некоторые и обиделись, что не успели полюбоваться его хвалёной роскошью.

— Прошу вас, будьте спокойны, я собирался показать имение после трапезы, — убеждал князя Ширяева Джордж.

Около часа взволнованные гости расспрашивали князя о жизни, обстоятельствах переезда и о прекрасном русском языке. Мужчина говорил чудесно, почти без акцента, это поражало соседей, но тот объяснял это русскими корнями где-то в Москве.

— Бабушка русская. После смерти деда вновь приехала в Москву. Скоро намереваюсь навестить её.

— Ваша бабушка приняла православие? — поинтересовался Верейский.

— Да. Она склонна считать это разделение христианства весьма глупым.

Старый князь пустил короткий смешок и тепло заулыбался.

— Не нам судить убеждения вашей бабушки, поэтому не желаю что-либо оспаривать.

На ужине были разные люди. Молчаливые, красноречивые, манерные и, в большинстве своём, очень болтливые. Княжна Лобанова уже успела начать обсуждение давно минувших лет жизни, прошедших под страхом грабежей известного всем Владимира Дубровского.

— Не поймали его, не смогли! — звучал чей-то тонкий голос.

— А я слышал, что Дубровский отправился во Францию, — вмешался молодой князь Пётр Яковлев.

— Какой ужас!

— Друзья мои сердечные, успокойтесь! — сказал вдруг господин Носов — толстый, пользующийся авторитетом мужчина средних лет. Сплетни он ужасно не любил, говорил всем исключительно правду и ничего, кроме истины, поэтому к его словам всегда прислушивались. — Мой хороший приятель — судебный исправник из Германии слышал о Дубровском около лет двух тому назад. Тогда его видели на одной из улиц

Берлина. Но пока до него дошли эти показания, Дубровский уже успел скрыться во Франции, где, прости Господи, был убит. Поэтому прошу вас, сохраняйте хладнокровие, подобающее нашему слою общества!

Все будто по команде, начали галдеть и перешёптываться, чем начали раздражать Носова лишь еще больше.

— Ох, Андрей Андреевич, как хорошо, что вы нам всё пояснили, — радовалась Лобанова. — Страшно жить, зная, что такой человек ходит где-то и спокойно дышит!

Марья Кирилловна сидела молча, не подавая знаков какой-либо заинтересованности, но в душе её бушевала буря. Помнила, помнила она Владимира, помнила того благородного разбойника, который заставил её переступить через гордость и чуть не совершить побег от отца, от семьи, от всего нежеланного. Но в тот день она сделала то, о чём хотя и никогда не жалела, но в самых глубинах сознания невольно оплакивала...

"Убит..." — подумала Марья. Рука её побелела до самых костей от сжатой со всей силы вилки, а губы сжались то ли от злобы, то ли от кома обиды и скорби. Глупо чувствовать боль из-за человека, которого почти не знаешь...

Но Марья Кирилловна будто бы знала и любила его с самого раннего своего детства.

— Дубровский? Редкий мерзавец, — вставил внезапно Джордж, допивая свой бокал вина. — Все мои русские родственники серьезно намучались с ним. Не люблю таких людей, жалкая глупость...

— А вы знали его мотивы? — прервала мысли князя Марья Кирилловна.

— Они всем понятны, миссис.

Девушка хотела было ответить что-то опровергающее, но благоразумно воздержалась от дерзости. "Это лишь выставит меня в дурном свете, а ему ничего не докажешь", — подумала она и улыбнулась слабой улыбкой. Шесть лет жизни со стариком-аристократом научили её относиться ко всем словам с особой осторожностью, а спокойствие сохранять везде и в любой ситуации. Но теперь этот Джордж Одли не нравился ей так, как всего четверть часа назад, а вечер не обещал уже никакого развлечения и оправдывающего визит смысла.

***

Месяц прошёл с того неприятного ужина, за это время в жизни девушки появилось много новых людей и даже друзей. Участились визиты хороших знакомых, пошло на лад общение со старыми приятелями, появилась прежняя популярность роскошной усадьбы Верейского у новых князей в округе. Так, вследствие одного из визитов нового владельца усадьбы в нескольких десятках вёрст от имения Верейского, Марья Кирилловна познакомилась с прекрасным человеком и теперь уже новым другом.

Как рассказал сам Алексей Дьячков, всё его небогатое имение перешло к

нему после смерти всю жизнь болевшего дяди, который приходился Дьячкову единственным родственником. По собственным объяснениям 25-летнего князя, он поражался доброте Марьи Кирилловны, поэтому желал начать новую, для всех странную дружбу между мужчиной и женщиной, хотя сама девушка чувствовала вовсе не дружескую симпатию со стороны Алексея.

— Вы умны, — начала вдруг Марья, пока они привычно прогуливались по саду имения. — Мне приятны ваши слова, я понимаю правильность ваших чувств, Алексей Иванович. Вы напоминаете мне одного дальнего знакомого, о котором и вспоминать-то совсем печально...

— Значит, у вас к этому знакомому были самые нежные чувства, — загадочно проговорил князь. — Каждое невольное воспоминание о любимом, но дальнем человеке часто заставляет чувствовать нас еще бóльшую тоску, Марья Кирилловна...

И правда, память о том прекрасном, но для всех страшнейшем человеке была связана у Верейской лишь с грустью. Но этот человек сейчас заставляет расцветать её снова, как заставил однажды тот неизвестный, далёкий знакомый.

Дьячков приезжал регулярно, но не смел долго пользоваться любезностью и гостеприимством князя Верейского, который будто бы видел в нём своего сына.

"Молодому человеку нужен молодой человек. Алексей Иванович — родственная душа нашей Марьи Кирилловны. Она не может вести беседы со стариком, увы, у нас очень разные взгляды", — объяснял себе князь такую тёплую дружбу между его женой и Дьячковым. Ни капли сомнений и дурных мыслей у него не было. Возможно, потому что он абсолютно уверен в благоразумии Марьи Кирилловны, а возможно, потому что ему вовсе всё равно.

И так могло продолжаться долго, пока Алексей Иванович не признается в страшной и неожиданной истине. Только вдруг одна ошеломляющая весть перевернула всё.

— Дубровский! Дубровский снова в России! — кричал высокий мальчишка, продававший на улицах газеты.

Верейский находился в городе исключительно по серьёзным экономическим делам, и на такую выдумку у него не было никакого времени, он взял эту жалкую газету лишь ради интереса. Про Дубровского писали в самом начале, на заголовок не пожалели краски, даже предоставили старый портрет разбойника. Тогда к делу привлекались все, кто может помочь показаниями, на Владимира сразу начали серьёзную охоту. И, если бы князь не дочитал статью до той злой седьмой строчки, то так бы и не поверил в подлинность этого «Дубровского».

"О неожиданном появлении известного разбойника в России сообщил Кирилл Петрович Троекуров, ранее столкнувшийся с самим

Дубровским лицом к лицу. По его словам, преступник был замечен близ имения Троекурова, что заставило хозяина сразу забить тревогу", — гласила статья.

Естественно, за информацию о разбойнике обещали награду. Только сейчас Верейский позабыл обо всём совершенно, обомлев, стоял у входа в банк и думал о том, что сейчас Дубровский мог быть уже возле его имения. И пока князь шустро не по годам своим запрыгнул в карету и велел кучеру гнать обратно, он уже успел подумать о причинах опасного возвращения Владимира в Россию.

***

— Алексей Иванович обязался заехать сегодня и отобедать со мной, но его до сих пор нет, — печально рассматривая тянущуюся вдаль дорогу, сказала Екатерине Марья Кирилловна. — Возможно, дела...

— Не собираетесь же вы голодать из-за того, что Дьячков не соизволил приехать?!

— Я, если быть честной, Катя, вовсе не голодна... Правда. Екатерина загадочно улыбнулась и аккуратно присела у окна рядом со своей барыней, на мгновение глянув в сторону имения Дьячкова.

— Знаете, что я вам скажу, Марья Кирилловна? — по-прежнему улыбаясь, протянула она.

— Говори же...

— Оставить нашего гостя без вашей компании за обедом — дурной тон, — проговорила Екатерина и указала девушке на приближающуюся чёрную точку.

Заметив, наконец, долгожданную карету, Марья Кирилловна подхватила и вылетела из своей комнаты, чем перепугала бедную подругу.

— Вели накрывать на стол на две персоны! — крикнула девушка одной из крепостных и, попутно накидывая шаль, выбежала из усадьбы.

Чёрная карета уже подъехала к самым воротам, и Марья Кирилловна услышала, как открывается её дверь. Затем зашуршали чьи-то шаги по гравию, послышался чужой голос: "Ожидай!"

Тогда, девушка сбавила ход и с опаской вгляделась в фигуру вошедшего на террасу мужчины. Она была знакомой, возможно, и родной, но узнала мужчину девушка только после того, как он оказался от неё на расстоянии вытянутой руки.

— Вы?.. — опешила Марья.

— Марья Кирилловна, сейчас на улицах опасно. Дубровский вернулся в Россию, вы не слышали?

— Он же... Мёртв! — ещё больше запутываясь в собственных догадках, воскликнула она.

— Как оказалось, нет. Я здесь, чтобы защитить вас от недоброжелателей.

— То есть, от Дубровского? — уже печально-холодно спросила

Верейская, глядя гостю прямо в глаза.

— От кого угодно, Марья Кирилловна, но не от Дубровского.

Девушка заметила в его глазах странную искру. Искру, которую она видела где-то и когда-то в чьих-то других глазах. Только вот в чьих? Этого она уже не вспомнит. Сейчас она узнавала лишь бывалую отвагу, резкость и смелые слова, разглядела в очертаниях невозможную схожесть с тем страшным, но благородным человеком.

И этот человек того не отрицал:

— Я Дубровский!

***

Верейский вернулся скоро, почти ворвался в собственный дом и застал уже остывший на столе обед на две персоны. Всё было по-прежнему, на своих местах и в обычном виде. Никакой странности, следов хаоса или грабежа, ничего совсем ему непривычного. Никто из баб-крепостных не плакал, как уже было в его воображении, не молил о помощи и не намеревался бежать к князю с ужасными новостями о нападении.

Всё было идеально. Но оказалось одно "но" — не было Марьи Кирилловны Верейской.

Алексей Иванович застал старого князя в её комнате, у окна. Он молчал, не поворачиваясь и не шевелясь совсем. Своей задумчивостью и какой-то загадочностью он заставил Дьячкова ещё на минуту задержаться в дверях и посмотреть на то, как князь перебирает в дрожащих руках жёлтый кусок пергамента, на котором издавека были видны красиво выведенные женской рукой буквы. Он молчал долго.

— Это был Дубровский, — не сводя глаз с горизонта за окном, монотонным голосом сказал Верейский Алексею.

— Её похитили?! — испуганно выпалил Дьячков и резко рванулся к князю.

— Вы не понимаете, она бежала.

Князь развернулся в сторону распахнутой двери, которая вела в тот по-прежнему идеальный дом, и, сунув измятую записку в руки мужчины, вышел в нее.

"По трусости своей не бежала сразу. Простите, князь, но с ним я увижу самые красивые английские сады.

Марья

Кирилловна

Дубровская"

***

Как выяснилось позже, не существовало никакого Джорджа Одли, как и не было никогда принявшей православие бабушки из Москвы. Чудесное имение Дубровский покупал около года, а продал в тот же день, что и бежал с Марьей Кирилловной.

Верейский не предался мести, не сообщил о похищении, потому что

это было не похищение, а добровольное решение взрослого человека.

Кирилла Петрович, конечно, пытался сделать что-то для того, чтобы найти хоть какие-то зацепки про их побег, но опытный Владимир Дубровский не оставил ни следа.

Алексей Иванович Дьячков вскоре продал своё имение и уехал в одну из далеких губерний. Оставил он лишь одно письмо Верейскому, где просил прощения за то, что более не сможет наносить визиты и оставит его без поддержки. "Таково моё непослушное сердце", — писал он в письме.

Ныне князь остался по-настоящему один. Он обедал один, как раньше, гулял один, как раньше, но всё было по-другому, совершенно...И, сидя на своём английском диване, он ни разу не разозлился на дерзость Дубровского, не проклял его и не затаил обиды. Допивая холодный чай, Верейский осознал всю бесполезность прожитых с женой лет.

"Исход был изначально предрешён. Я забрал годы молодой жизни, но всё равно он вернулся за любимой", — сказал себе однажды старик и больше не поднимал этого вопроса ни с кем и никогда, вплоть до своего последнего вдоха в холодном одиночестве.